

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2025 – 2026 учебный год
Заключительный этап
Первый тур
9 класс

**Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения
(ОДНОГО – на выбор).**

Сергей Вольф
(1935 – 2005)

Лети, корабль мой, лети!

Если идти вдоль нашей улицы по левой стороне, от круглой башни к кинотеатру «Космос», то сначала будет Калашников переулок, потом мой дом, потом булочная-кондитерская, потом Лётная улица, потом «Пышки» и детсад № 66, потом баня, потом магазин «Синтетика», потом «Канцтовары» и «Всё для малышей», потом просто так — дом и потом уже парикмахерская, где работал Петрович.

Петрович был парикмахер. Вылитый парикмахер. Просто парикмахер — и всё.

Он был невысокий, лысый, а по бокам на голове два островка волос. Глазки небольшие, ручки небольшие. Такая внешность. Конечно, не по этому он был похож на парикмахера, по чему-то другому, не знаю, по чему.

Однажды я зарос, как говорит мама. Она дала мне денег, я пришёл в парикмахерскую, сел в кресло и сказал:

— Полубокс, пожалуйста. Пожалуйста, без одеколona.

— Пожалуйста, — сказал парикмахер. — Сейчас сделаем юному пионеру шикарный полубокс.

Я засмеялся, а он сказал:

— Не надо нам никакого одеколona. Сейчас наш юный пионер будет похож на юного пионера, а не на жителя острова Пасхи. — И голос у него вдруг стал чуть грустный. Или мне показалось.

— Вы их видели будто? — сказал я. — Этих жителей.

Он ничего не ответил, повязал меня белой простынью и взял в руки машинку, запев тихонечко: «Лети, мой корабль, лети».

Глазки у него были небольшие — я увидел в зеркало — ручки небольшие, мне стало вовсе смешно, и я сказал:

— Будто вы были на том острове? Забыл его название.

— Пасха, — сказал он. — Я плавал в тех водах.

— В каких «в тех»?

— В тех самых.

Его машинка ловко-ловко бегала по моей голове.

— Лети, мой корабль, — пропел он шёпотом и добавил: — Я был моряком.

Он сказал это так, что, даже не глядя в зеркало, я поверил. Да лучше уж было и не глядеть — вылитый парикмахер.

Я вышел из парикмахерской и пошёл домой, и пока шёл, всё мучился от какой-то мысли, глупенькой такой мыслишки, которую я почему-то ещё никак не мог вспомнить. Только ложась вечером спать, я понял, что вертелось у меня в голове: ещё очень не скоро я опять зарасту или на худой конец волосы просто будут подлиннее. Только если раньше меня это радовало, — ну её, парикмахерскую, — то теперь огорчало.

* * *

Через два дня я не вытерпел, взял у мамы деньги, будто на кино, и пошёл в парикмахерскую.

— Мне височки, — сказал я, садясь к нему в кресло, — какие-нибудь другие. Только у меня денег всего десять копеек.

И когда он улыбнулся и как-то ловко перекинул ножницы из одной руки в другую и завернул меня в простыню, я добавил:

— И расскажите про море. Про дальние походы. Про эту песню.

Чик-чик-чик — зачикали ножницы у меня возле самого уха. Чик-чик-чик — сверху вниз.

— Мы подходили к Цейлону, — говорил он. — Чик-чик-чик. — Океан был тихий, белый и горячий. — Чик-чик-чик. — Та-ак. Теперь машинкой. Наступала тропическая ночь. Били склянки. — Чик-чик.

Я не помню, сколько времени он меня стриг. А что он рассказывал — мне не пересказать. Помню только, я спросил, когда он снял с меня простыню:

— Вы почему теперь здесь... а не там... в море... Что-нибудь с ногой, а? — добавил я глупость.

Он покачал головой и показал себе куда-то внутрь.

— Там, — сказал он. — Что-то испортилось. Не та уже машинка.

«Какая машинка?» — захотелось спросить мне, но я не спросил, потому что, кажется, понял.

— Заходи, — сказал он.

Я кивнул и вышел.

* * *

Через четыре дня я снова пошёл к нему. По-моему, в самый раз. Вообще, стричься надо через шесть или семь дней. Это уж точно.

Его я встретил возле гардероба. Он тихонько хлопнул меня по плечу, снял мою шапку, провёл рукой по волосам и сказал:

— Маленько зарос. Опять полубокс? Ну, сейчас Петрович всё сделает.

— Я не хочу к Петровичу, — сказал я. — Я к вам хочу.

— Я и есть Петрович, — сказал он.

— Я только к тебе хочу, Петрович, — сказал я.

Я просидел у него опять не знаю сколько. Чик-чик-чик — чикали ножницы. А он рассказывал. И было мне ни до чего. И мне даже самому непонятно, отчего я вдруг спросил:

— Петрович, а у тебя есть ещё кто-нибудь, кроме тебя?

— Как это?

— Ну, так... Мама, бабушка...

— Есть, — сказал он. — Другие. Жена у меня есть и дочка. И всё. Жена и дочка.

— А жена у тебя кто?

— Ну кто... Она инженер.

— А была кто?

— И была инженер. Всегда.

— А дочка?

— А дочка — балерина. Ей сколько и тебе лет.

— Здорово, — сказал я, — и уже балерина? Петрович, пойдём как-нибудь гулять, ты, твоя дочка и я.

— Зачем же дочка?

— Как зачем? А то они будут сердиться, что ты со мной гулять пошёл.

— Может, и не будут, — сказал он. — Всё. Готов полубокс. Полюбуйся. А теперь иди. Очередь! — крикнул он. — Заходи, — добавил он мне.

* * *

А я заболел. Эх, и зачем только я заболел?! Ненавижу грипп. Ненавижу ангину. Все болезни ненавижу. Зачем они?! Я долго проболел, недели две. Целую вечность.

А он почему-то был какой-то не такой, когда я пришёл. Я даже подумал, что он просто не узнал меня, заросшего и худого. Он усадил меня в кресло и спросил, и голос у него тоже был какой-то не такой:

— Где же ты был так долго? Совсем пропал.

— Я болел, — сказал я.

Он ничего не ответил и стал стричь меня. Он стриг меня долго-долго, медленно-медленно и всё молчал. И я почему-то боялся заговорить. Потом он нагнул мою голову над раковиной и налил на макушку что-то холодное и пахучее.

— Надо голову помыть, — сказал он.

— Это дорого? — спросил я.

Но он ничего не ответил. Он молча намыливал мою голову. Было ужасно странно и неловко от всего этого.

— Петрович, у меня же денег не хватит, — сказал я откуда-то из раковины, из-под пены.

— Какие деньги?! — сказал он сердито. — Какие ещё там деньги?! Не говори глупостей.

Он молча полил мне на голову тёплой воды, потом снова намылил и снова полил. Потом ещё раз. И всё медленно.

— Будешь у нас красавцем, — услышал я его странный голос.

Мне вдруг стало страшно и тоскливо. Только не Петровича страшно... А чего, я и сам не знал.

Он достал из ящика какую-то блестящую улитку с трубкой, провод от неё вставил куда-то за зеркало, улитка зажужжала, он поднёс её к моей голове, и я почувствовал, как сильно она дует теплом.

— Это фен, — сказал он. — Будем сушиться.

Он долго сушил меня и всё молчал. Потом выключил улитку, достал коробочку с пудрой и попудрил мне шею. Я даже покраснел.

— Ладно... молчи, — сказал он и стал меня причёсывать. Он причёсывал меня долго и аккуратно, после взял со стола одеколон с кишкой и грушей и стал лить одеколон мне на голову.

— Петрович, — заговорил я, — зачем же... у меня же...

Но он ничего не сказал. Я поглядел в зеркало и увидел, что он не смотрит на меня, а сам всё нажимает и нажимает на грушу, а одеколон всё льётся и льётся, вот уже и за ворот мне полился и на лицо и всё льётся и льётся...

Петрович вдруг быстро поставил на стол одеколон, почти пустую бутылку, и стал быстро-быстро меня причёсывать: раз-два, раз-два, раз-два!

— Всё. Всё готово. Теперь уже всё, — говорил он. — Всё. Не вздумай платить. — Потом вдруг встал между мной и зеркалом и поглядел на меня. А я на него.

— Всё, — сказал он. — Полный порядок. Ай да красавец! А я уезжаю. Прощай. Может, и не увидимся.

— Куда? — спросил я. — Куда же ты уезжаешь?! Надолго? Навсегда?

— Да, — сказал он. — В Хабаровск. Жене там дают квартиру. Она будет самый главный инженер. Всё. Прощай. Иди, парень. Следующий! — крикнул он, поднял меня с кресла и подтолкнул к выходу.

Я оделся и вышел на улицу.

Я стоял перед парикмахерской, держа в руках шапку, и не уходил. Потом он сам вышел, в своём белом халате.

— Иди, — сказал он.

— Иду, — сказал я. — Ладно.

— Иди-иди. Ну, чего же ты стоишь?!

— Иду, — сказал я, — уже иду.

Он повернулся, и дверь за ним закрылась. Я пошёл домой.

Я шёл мимо «Всё для малышей» и «Канцтоваров».

Мимо магазина «Синтетика» и мимо бани.

Мимо детсада № 66.

Мимо «Пышек». Очень вкусные пышки.

Потом постоял немного на углу Лётной улицы.

Потом возле булочной-кондитерской.

«Чик-чик-чик, — прошептал я, закрыв глаза. — Чик-чик-чик. Лети, мой корабль. А вот и мой дом. Чик-чик-чик».

1964

Примечания:

«Лети, мой корабль, лети!» — эстрадная песня (музыка С. Баневича, слова Т. Калининой).

Семен Липкин

(1911–2003)

Имена

Жестокого неба достигли сады,
И звёзды горели в листве, как плоды.

Баюкая Еву, дивился Адам
Земным, незнакомым, невзрачным садам.

Когда же на небе плоды отцвели
И Ева увидела утро земли,

Узнал он, что заспаны щеки её,
Что морщится лоб невысокий её,

Улыбка вины умягчила уста,
Коса золотая не очень густа,

Не так уже круглая шея нежна,
И мужу милей показалась жена.

А мальчики тоже проснулись в тени.
Родительский рост перегнали они.

Проснулись, умылись водой ключевой,
Той горней и дольней водой кочевой,

Смеясь, восхищались, что влага свежа,
Умчались, друг друга за плечи держа.

Адам растянулся в душистой траве.
Творилась работа в его голове.

А Ева у ивы над быстрым ключом
Стояла, мечтала бог знает о чём.

Работа была для Адама трудна:
Явлениям и тварям давал имена.

Сквозь тёмные листья просеялся день.
Подумал Адам и сказал: – Это тень.

Услышал он леса воинственный гнев.
Подумал Адам и сказал: – Это лев.

Не глядя, глядела жена в небосклон.
Подумал Адам и сказал: – Это сон.

Стал звучным и трепетным голос ветвей.
Подумал Адам и сказал: – Соловей.

Незримой стопой придавилась вода, —
И ветер был назван впервые тогда.

А братьев дорога всё дальше вела.
Вот место, где буря недавно была.

Расколотый камень пред ними возник,
Под камнем томился безгласный тростник.

Но скважину Авель продул в тростнике,
И тот на печальном запел языке,

А Каин из камня топор смастерил,
О камень его лезвиё заострил.

Мы братьев покинем, к Адаму пойдём.
Он занят всё тем же тяжёлым трудом.

— Зачем это нужно, — вздыхает жена, —
Явлениям и тварям давать имена?

Мне страшно, когда именуют предмет! —
Адам ничего не промолвил в ответ:

Он важно за солнечным шаром следил.
А шар за вершины дерев заходил,

Краснея, как кровь, пламенея, как жар,
Как будто вобрал в себя солнечный шар

Всё красное мира, всю ярость земли, —
И скрылся. И медленно зрея вдали,

Всеобщая ночь приближалась к садам.
«Вот смерть», — не сказал, а подумал Адам.

И только подумал, едва произнёс,
Над Авелем Каин топор свой занёс.